

Модели суверенитета на Южном Кавказе

Гаяне Новикова*

Введение

За последние шесть лет мы стали свидетелями драматических изменений в среде международной безопасности – изменений, которые напрямую оказали влияние на развитие событий на Южном Кавказе. В число наиболее существенных изменений входят мировой экономический кризис, Арабское пробуждение и волнения и гражданские войны в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Растет число сепаратистских движений, даже в процветающих областях Европы: в регионах Шотландии и Фламандии будут проведены референдумы о независимости от Великобритании и Бельгии соответственно; сепаратистские тенденции наблюдаются в Каталонии и стране басков в Испании, а также в Квебеке в Канаде. Великобритания обсуждает отказ от членства в ЕС.

Не случайно мы наблюдаем появление нескольких международно признанных суверенных государств, хотя они по существу являются или несостоявшимися государствами, или очень слабыми государствами. Существует также группа государственных образований, которые можно рассматривать как раздираемые конфликтами исключения. Среди них полупризнанные Абхазия и Южная Осетия, а также непризнанная Нагорно-Карабахская Республика.

Все эти тенденции тем или иным способом связаны с государственным суверенитетом. Основными столбами этой концепции являются суверенность территории и населения, суверенность принятия решений государственным руководством, а также государственное взаимодействие с другими государствами и международными организациями. Представление о суверенности дает рамку поведения государства и его населения в целом. Оно оказывает прямое влияние на уровень безопасности, стабильности и процветания.

В соответствии с международным правом и Уставом ООН все государства равны. Несмотря на этот идеал, степень суверенности данного государства и его роль в международных делах определяется уровнем его политического, экономического и социального развития. Однако, суверенное государство как таковое

* Доктор Гаяне Новикова является основателем и директором Центра Стратегических Анализов в Ереване, Армения (с 2001 года). Она ведет курсы по внешней политике России в Управлении по правам человека ЮНЕСКО и по программе Демократических и европейских исследований Государственного лингвистического университета в Ереване. Она была стипендиантом программы Фулбрайт (2008-2009), приглашенным исследователем (2012-2013) в Центре им. Дэвиса российских и евразийских исследований, приглашенным исследователем в департаменте языков и цивилизации Ближнего Востока Гарвардского университета (2009-2013), а также внештатным лектором на кафедре международных отношений Бостонского университета (2011, 2013). В область ее компетентности входят вопросы международных отношений и региональной безопасности, российской политики на Южном Кавказе и политики восточного соседства ЕС.

должно отвечать двум критериям: способность к самоуправлению и способность к самозащите. Второе условие выполнить легче, тогда как первое почти невозможно реализовать на практике в быстро глобализирующемся мире.¹ Другим важным измерением суверенности государства является степень демократизации.

Что касается развитых демократий, есть несколько важных областей, в которых общий суверенитет является важным фактором. Две основные европейские организации—Европейский Союз и НАТО—берут на себя ответственность за критически важные процессы в Европе. Меры жесткой экономии, наложенные ЕС (под руководством Германии) на Грецию, Испанию и Португалию, дают нам пример ограниченности суверенитета этих государств. Однако, последствия этих ограничений значительны: еврозоне удалось вернуться к постепенному восстановлению от экономического кризиса 2008 года.

Что касается провалившихся государств, ведущие международные организации иногда рассматривают полный контроль над экономическими и политическими ресурсами этих стран как средство для обеспечения безопасности и предотвращения распространения террористической деятельности. Последнее становится все более важным, особенно в районах с религиозными конфликтами. (В число последних примеров входят международная военная операция в Северном Мали и недавнее нападение на Найроби, Кения).

Тем временем было несколько случаев, при которых «во имя демократии» международные организации возложили на себя такие новые мандаты, как «ответственность защищать» и региональные правила и условия установления демократических стандартов.² Есть примеры принудительного введения демократии под давлением европейских стран и США посредством скоординированных военных операций против суверенных стран (Ирак, Афганистан, Сербия-Косово и т.д.). Приостановка национального суверенитета международно признанных членов ООН, которая имела место в этих случаях, осуществлялась без согласия соответствующих правительств.

Надо упомянуть и другую тенденцию, связанную с участием суверенных государств в международных организациях. В ноябре 2013 года несколько суверенных государств должны были решить, подпишут они или не подпишут разные предварительно договоренные Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом на третьем саммите Восточного партнерства в Вильнюсе. По мнению инициаторов, более широкое участие в программе Восточного партнерства было направлено на улучшение отношений этих государств с ЕС, на ускорение процессов демократизации и совершенствования управления и—в определенной степени—на ослабление влияния и давления России на бывшие советские республики

¹ Относительно дополнительных подробностей, смотри Omar Dahbour, *Self-Determination without Nationalism: A Theory of Postnational Sovereignty* (Philadelphia: Temple University Press, 2013), 190–93.

² Lawrence Whitehead, “State Sovereignty and Democracy,” in *New Challenges to Democratization*, ed. Peter Burnell and Richard Youngs (New York: Routledge, 2010), 24.

(вопрос, который неожиданно приобрел другое измерение в свете реакции России на волнения в Украине).

Вышеупомянутые события и процессы напрямую связаны с дискуссиями о суверенности. Даже более того, они способствуют «мутации» и «таянию» суверенности *per se*. Кроме того, хотя суверенность нельзя считать абсолютной, она все еще является ключевым фактором для любого государства и для процессов строительства государства, особенно в том, что касается суверенитета территории и отнесенности свободы принятия решений. Критически важными вопросами, на которые нужно найти ответ, являются следующие вопросы: Как суверенные государства взаимодействуют друг с другом в быстро меняющемся и глобализирующемся мире? В какой степени государственные образования готовы делегировать часть своего суверенитета международным организациям или другому государству?

Государственная суверенность в уязвимом регионе Южного Кавказа напрямую связана с этой конкретной территорией и с вопросами безопасности. Анализ, представленный в данной статье, сфокусирован на следующих вопросах:

- Что означает суверенитет для каждого актора на Южном Кавказе? Располагает ли каждый из акторов в регионе достаточной маневренностью для осуществления и обеспечения своего суверенитета?
- При каких обстоятельствах и в какой степени государство готово поделиться (или делегировать) другим акторам часть своего суверенитета?
- И последнее, какие модели суверенности применимы для государственных образований на Южном Кавказе?

Прежде, чем ответить на эти вопросы, надо обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, государственные субъекты на Южном Кавказе не являются ни развитыми демократиями, ни провалившимися государствами. Они—в определенной степени – ненадежны в экономическом, политическом и социальном плане. Наиболее сильным из них является Азербайджан; наиболее слабым—Республика Южная Осетия. Отличаются и успехи в сфере демократизации: от авторитарных Азербайджана и Южной Осетии до частично свободных Армении, Грузии, Абхазии и Нагорно-Карабаха.³

Во-вторых, из-за широко спектра внутренних проблем и межрегиональных тенденций в безопасности, государственные субъекты на Южном Кавказе располагают очень ограниченным пространством для маневрирования. Приходится выбирать между Соглашением об ассоциации с ЕС и членством в Российский таможенный союз, т.е. в Евразийский союз. С одной стороны, оба эти варианта не очень перспективны. С другой, учитывая направление развития последних событий, они становятся взаимоисключающими. Неудачная попытка Армении синхронизировать свои отношения в обоих направлениях является живым примером не-

³ 2013 *Freedom in the World* (Washington, D.C.: Freedom House Report, 2013); доступно на <http://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world>.

желания ЕС и России делить сферы влияния и стратегических интересов.⁴ Как писал Питер Бурнелл,

Для ЕС, ясно видимым вызовом является повторение его успешной стратегии поддержки демократической консолидации посткоммунистических европейских стран, путем предложения им условного членства в ЕС. Так как процесс расширения ЕС подошел к концу и соседние государства, а тем более те, что более отдалены, не имеют никаких перспектив на членство, и так как в многих из них нет общепринятых условий и характеристик либеральной демократии, возможности ЕС оказывать влияние сильно ограничены.⁵

Для России включение бывших советских республик в Евразийский союз подразумевает ясное указание на ее намерение обеспечить (и контролировать) область своих прямых стратегических интересов, в соответствии с ее национальными интересами в сфере безопасности. Таким образом, критическим для государственных субъектов на Южном Кавказе является способность балансировать между ЕС и Россией. И делать это им приходится и в ту, и в другую сторону, за счет своего государственного суверенитета.

Суверенитет: от «Любой ценой» до «Ни в коем случае»

«Суверенность» *per se*, для новых независимых государств и государственных образований на Южном Кавказе стало магическим словом. Суверенность означает восстановление их независимости или объявление независимости впервые за многие годы. Отсюда и идея стать «национальным государством» в полном смысле этого слова и то, что это воспринимается как наиболее важный элемент самоидентичности государственных образований на Южном Кавказе. В случае этого региона, степень суверенности, которой обладает каждое государство—и ее восприятие всеми государственными субъектами и всеми внешними акторами—отражает их разный статус на международной арене: Армения, Азербайджан и Грузия являются международно признанными государствами; Абхазия и Южная Осетия по-

⁴ Для Армении критически важно, чтобы ее отношения и с Россией, и с ЕС, улучшались для того, чтобы избежать дальнейшего развития авторитаризма и чтобы обеспечить достаточную безопасность для себя и для Нагорно-Карабаха. Однако, 3 сентября 2013 года, во время своего визита в Москву, президент С. Саргисьян заявил, что Армения хочет присоединиться к Таможенному союзу. Это заявление было неожиданным как для представителей Европейского Союза, так и для широкой армянской общественности. Реакция ЕС была предсказуемой: «Однако, учитывая желание Армении присоединиться к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана, заявленное в сентябре 2013 года, Соглашение об ассоциации, которое несовместимо с членством в Таможенном союзе, не будет ни инициировано, ни подписано. Европейский Союз продолжит сотрудничать с Арменией во всех областях, которые совместимы с этим выбором». Для больших подробностей смотри заявления и дискуссии, касающиеся решения армянского руководства: http://eeas.europa.eu/armenia/index_en.htm.

⁵ Peter Burnell, “New Challenges to Democratization,” in *New Challenges to Democratization*, ed. Peter Burnell and Richard Youngs (New York: Routledge, 2010), 17.

лучили признание частично; Нагорно-Карабахская Республика не признана, но *де факто* является государством.

Однако, независимо от *де юре* отличий в их международном статусе, все государственные субъекты на Южном Кавказе находятся в разной степени небезопасности, при определенных обстоятельствах угрожая территориальной целостности и государственному суверенитету своих непосредственных соседей, а так же безопасности собственного населения.⁶ Важно еще раз подчеркнуть, что суверенность новонезависимых Армении, Азербайджана и Грузии в 1991 году получила международное признание в границах соответствующих бывших советских республик. При этом, их официальная независимость и международное признание почти сразу подверглись испытаниям из-за внутренних этно-политических конфликтов. В результате этих конфликтов появились Нагорно-Карабахская Республика, Республика Абхазия и Республика Южная Осетия, каждая из которых заявила о суверенитете над своими историческими территориями, которые входили в состав бывших советских республик Азербайджана и Грузии, соответственно.⁷ Дальнейшая трансформация этно-политических конфликтов привела *де факто* к изменению государственных границ и к приостановлению суверенитета Азербайджана над территорией Нагорно-Карабаха (и прилегающих территорий) и Грузии над Абхазией и Южной Осетией. Таким образом, на Южном Кавказе мы имеем дело с государственными субъектами трех типов и с разными моделями суверенности. Мы так же имеем дело с разнообразными подходами к вопросу, как сохранять суверенитет – от «любой ценой» до «ни в коем случае».

В этом анализе будут использованы термины «суверенитет», «общий суверенитет» и «остаточный суверенитет». Последний следует понимать как самая низкая степень суверенности. Другой важной проблемой, связанной с моделями суверенитета на Южном Кавказе, является сложная и перекрывающаяся корреляция между самоопределением и суверенностью.⁸ Суверенность международно признанных государств напрямую оказывает влияние на право самоопределения; и наоборот, право на самоопределение за счет данного государственного субъекта уменьшает суверенитет «метрополии» над своей территорией и своим населением.

⁶ Азербайджан открыто угрожает НКР и Армении; Грузия считает, что Россия является главной угрозой; Абхазия и Южная Осетия рассматривают Грузию как источника прямой угрозы; Армения не угрожает Азербайджану, но готова обеспечить полномасштабную оборону и безопасность НКР. В настоящее время, реальная возможность возобновления военных действий существует только в районе нагорно-карабахского конфликта. В ходе последней встречи президентов Армении и Азербайджана в Вене 19 ноября 2013 года, они «пришли к согласию продолжить переговоры по мирному улаживанию нагорно-карабахского конфликта» и встретиться вновь в течение следующих нескольких месяцев.

⁷ Противоречащие друг другу версии национальной истории сыграли важную роль в углублении этно-политических конфликтов на Южном Кавказе.

⁸ Относительно дополнительных деталей, см. Dabhour, *Self-Determination without Nationalism*, 191.

Грузия-Абхазия-Южная Осетия

Для получивших международное признание Грузии и Азербайджана, восстановление их территориальной целостности является стратегической целью с сильным символическим значением. Неуспешная попытка грузинского руководства в августе 2008 года решить этот вопрос военными средствами изменил *статус-кво* в «грузинских конфликтах». Признание Россией и несколькими суверенными государствами независимости Абхазии и Южной Осетии *де юре* подтвердило и подержало суверенитет этих субъектов над территориями, которые они считают своими. Но это поставило их в положение полной зависимости от России в качестве их патрона. Такое развитие событий, следовательно, *де факто* резко уменьшило их суверенитет над их территориями и их населением, а так же и над способностью принимать независимые решения. Любое развитие ситуации в Абхазии и Южной Осетии в разной степени зависит от интересов России.

Критически важное отличие между Абхазией и Южной Осетией состоит в том, что Южная Осетия не может сохранить свой суверенитет никоим образом. У нее остаются очень ограниченные варианты действий, и она колеблется между положениями провалившегося государства и просто российской военной базы. Чтобы избежать эти крайности, ей надо или поделиться своим суверенитетом с Грузией (на основе федерального государства) или предоставить этот суверенитет полностью России, на основание объединения с Северной Осетией. Если Южная Осетия пойдет по пути общего суверенитета, тогда движение Грузии в сторону ЕС (путем подписания Соглашения об ассоциации на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе) было бы очень полезным для будущего воссоединения Грузии и Южной Осетии. Однако, население Южной Осетии в настоящее время, как и преобладающая часть ее руководства предпочитают защиту российского зонта.⁹

Что касается отношений Грузия-Абхазия, ситуация еще более сложная. Обсуждение модели общего с Грузией суверенитета уже осталось в прошлом.¹⁰ Однако, сложность самого *статус-кво* обеспечивает пространство для маневра Абхазии,

⁹ Смотри в частности, заявление Леонида Тибилова, президента Южной Осетии от 24 июля 2013 года: «Для каждого осетинца вопрос воссоединения со своим народом является приоритетным». Он так же заявил, что он «будет считать свою задачу в качестве президента выполненной, если Южная Осетия по желанию своих граждан объединится с Россией и произойдет воссоединение двух Осетий». «Тибилов: Моя миссия будет выполнена если Южная Осетия объединится с Россией», информационное агентство Регнум; доступно на <http://www.regnum.ru/news/polit/1687422.html>. «Должно ли быть объединенной Осетии?», *Эхо Кавказа*; доступно на www.ekhokavkaza.com/content/article/25056026.html.

¹⁰ Последняя модель решения абхазского конфликта была представлена в речи президента Саакашвили в марте 2008 года, который предложил Абхазии «свободную экономическую зону, пост вице-президента Грузии, неуточненные гарантии безопасности, ‘неограниченную автономию’». Относительно подробностей смотри “Saakashvili Outlines Tbilisi’s Abkhaz Initiatives,” *Civil Georgia* (28 March 2008); доступно на www.civil.ge/eng/article.php?id=17473.

которая располагает достаточными ресурсами и способностью сохранять свой статус полупризнанного государства (лучшим подобным примером является Северный Кипр, признанный только Турцией). Отношения с Россией обеспечивают Абхазии выгоды для экономики и обороны, но так же резко уменьшают возможности проведения самостоятельной политики и принятия самостоятельных решений.¹¹ Междуременно, Абхазии выгоден антагонизм России и Грузии и она могла бы постепенно поднять свой суверенитет от остаточного до общего статуса путем сотрудничества с Россией, Грузией, Турцией и Арменией (строительство железной дороги через территорию Абхазии могло бы быть примером того, как это можно осуществить).

Но надо обратить внимание и на обратную сторону монеты. Само существование Абхазии в ее текущем полупризнанном статусе является *де-факто* и *де-юре* уменьшением суверенитета Грузии над ее международно признанной территорией. Способность Грузии принять эту реальность и искать пути сотрудничества способствовало бы взаимопониманию и доверию между заинтересованными сторонами. Из-за ощущения, что Россия является прямой угрозой для суверенитета Грузии,¹² Грузия быстро движется в европейском направлении. Участие на любом уровне в европейских институтах и организациях рассматривается как гарантия на пути к сохранению суверенитета этого южно-кавказского государства над своей территорией и своим населением. Есть так же глубокое понимание в среде грузинского политического и делового истеблишмента, а так же и в обществе в целом, того, что страна выигрывает от дальнейшей демократизации.

Кроме того, противоположные подходы к безопасности и суверенности Абхазии и Грузии уменьшают вероятность примирения этих двух государственных субъектов – даже в среднесрочной перспективе. В разной степени, Грузия и Абхазия делятся своим суверенитетом с Европейским Союзом и Россией, соответственно, которые соперничают в многих областях. Модель общего для Грузии и

¹¹ Отношения Абхазия-Россия развиваются в нескольких областях. Однако, растет понимание в среде абхазского политического истеблишмента увеличивающейся зависимости Абхазии от России. Внутренние противоречия абхазской элиты будут подталкивать руководство страны к поиску способов минимизирования зависимости от России путем расширения сотрудничества с соседними странами. См. Sergey Markedonov, "Abkhazia: Russia's Attempts to Create a Nation-state," *Russia & India Report* (16 October 2013); доступно на http://indrus.in/opinion/2013/10/16/abkhazia_russias_attempts_to_create_a_nation-state_30183.html. См. также "Russian Ambassador Assassinated in Abkhazia," *The Washington Post* (11 September 2013); доступно на www.washingtontimes.com/news/2013/sep/11/russian-ambassador-assassinated-abkhazia/.

¹² Согласно Концепции национальной безопасности Грузии, «Война 2008 года показала, что Российская федерация не принимает суверенитет Грузии, в том числе демократический выбор Грузии и ее независимую внутреннюю и внешнюю политику». Доступно на www.nsc.gov.ge/files/files/National%20Security%20Concept.pdf.

Абхазии суверенитета можно рассматривать только в рамках концепции «мягкой силы», а именно в человеческой и, возможно, экологической сфере.¹³

Обобщая развитие событий в треугольнике Грузия-Абхазия-Южная Осетия, надо подчеркнуть, что тогда как Южная Осетия готова делегировать свой суверенитет полностью России, Абхазия пытается сохранить его, и просит у России поддержки, признавая высокую цену, которую она за нее платит. Грузия воспринимает себя как более передовое, а именно «европейское государство» на Южном Кавказе. Она надеется, что преимущества участия в европейской системе безопасности и европейской экономической системе рано или поздно помогут найти подходящую рамку для примирения с Абхазией и, возможно, реинтеграции с Южной Осетией.

Армения – Нагорно-Карабах – Азербайджан

Развитие событий в треугольнике Армения – Нагорно-Карабах (НКР) – Азербайджан отличается и является более сложным из-за факта того, что реализация права карабахских армян на самоопределение не только нарушает территориальную целостность и суверенитет международно признанного Азербайджана, но и превратилось в затяжной межгосударственный конфликт.¹⁴ Азербайджан является единственным государством на Южном Кавказе, которое способно сохранять суверенитет над своей экономикой и обороной. Ему не нужно делиться суверенитетом или предоставлять часть его какой бы то ни было международной организации. Однако, существует дуализм в восприятии Азербайджаном своего суверенитета: с одной стороны, это государство претендует на роль региональной силы, с другой – оно потеряло суверенитет над частью своей международно признанной территории. Поэтому восстановление его территориальной целостности является четко заявляемым приоритетом и предварительным условием для его желания играть роль региональной силы. Кроме того, надо подчеркнуть, что по сравнению с Грузией, Азербайджан не рассчитывает на какую-либо международную организацию для содействия в восстановлении своей территориальной целостности, но требует от международных организаций легитимизации возможности разрешить конфликт путем применения военной силы. Кроме того, по-видимому, ни Россия, ни ЕС не располагают какими бы то ни было реальными рычагами (или по крайней мере, не заинтересованы в их использовании) для оказания влияния на внутреннюю или внешнюю политику Азербайджана. В этом треугольнике Армения является еще одним государством, получившим международное признание. Хотя у нее ограни-

¹³ Междуременно, новое грузинское руководство осторожно движется к примирению с Россией. Положительное развитие отношений России и Грузии окажет в некоторой степени положительное влияние на отношения Грузии и Абхазии.

¹⁴ Надо отметить, что конфликт о суверенитете Азербайджана и Нагорно-Карабаха существовал изначально в досоветский, советский и послесоветский периоды. В 1991 году международное сообщество, признав, что Азербайджан существует в границах Азербайджанской ССР, косвенно способствовало дальнейшей эскалации нагорно-карабахского конфликта.

ченные (по сравнению с Азербайджаном) экономические ресурсы для обеспечения своего суверенитета, она располагает достаточной военной силой для сохранения своей территориальной целостности и для обеспечения необходимой военной поддержки НКР. В то же время, прямое участие в нагорно-карабахском конфликте резко ограничивает ее возможности для маневра и делает ее сильно чувствительной к любым изменениям, связанными с НКР. С одной стороны, безопасность двух армянских государственных субъектов является абсолютным приоритетом для каждого армянского президента и для каждого армянского правительства. С другой, эта первостепенная проблема безопасности напрямую и косвенно ограничивает суверенность Армении при принятии решений и оказывает сильное влияние на отношения с ее непосредственными соседями и на ее внутреннюю политику. Тут можно привести яркий пример: решение президента Армении подать заявку на членство в Таможенном Союзе, несмотря на наличие уже продискутированных и согласованных документов, подготовленных для подписания на Третьем саммите Восточного партнерства в Вильнюсе, было мотивировано (согласно официальным заявлениям) более общими соображениями, связанными с безопасностью.

Таким образом, в этом вопросе Армения еще раз подтвердила, что Россия является существенным компонентом ее политики в сфере обороны и безопасности. Армения полностью разделяет свой суверенитет с Россией в этих двух сферах. Другие сферы, в которых применяется модель разделенного суверенитета, связаны с армянской экономикой, в частности ее увеличивающаяся зависимость от российских инвестиций¹⁵ и демографические изменения из-за изменений в российской миграционной политике и эмиграционных тенденций в Армении в целом.¹⁶

Часть армянского политического истеблишмента считает, что резкий разворот к Евразийскому Союзу был напрямую связан, с одной стороны, с угрозой безопасности НКР и Армении со стороны Азербайджана. С другой стороны, есть понимание того, что все еще существуют ограниченные возможности для дальнейшего

¹⁵ Хотя ЕС является первым экономическим партнером Армении, уровень инвестиций ЕС существенно ниже, чем российский. В свете последнего решения армянских властей они продолжают уменьшаться. "Russian Direct Investments Make up 39.5% of Foreign Direct Investments into Armenia's Economy," *ARKA News Agency* (5 September 2013); доступно на http://arka.am/en/news/economy/russian_direct_investments_make_up_39_5_of_foreign_direct_investments_into_armenia_s_economy/.

¹⁶ Согласно Национальному статистическому бюро Армении, 1 апреля 2013 года население Армении составляло 3.029 миллиона, по сравнению с 3.275 миллионами на 1 апреля 2012 года. В январе-марте 2013 года 259 000 армянских граждан покинули страну. За тот же период 223 000 человек приехало в Армению. Отрицательный баланс составляет 35 500, по сравнению с 25 400 в первом квартале 2012 года.

улучшения отношений Армения-ЕС.¹⁷ Другая группа армянских аналитиков и политиков утверждает, что Армения теряет свой суверенитет.¹⁸

Третьей составной частью этого треугольника является Нагорно-Карабахская Республика. Ее остаточный суверенитет постепенно расширяется к разделенному с Арменией суверенитету благодаря внутреннему положительному развитию в этом *де-факто* государстве и сильной взаимозависимости между Арменией и НКР, особенно в плане безопасности. Однако эта взаимная зависимость существенно ограничивает пространство для маневра, как для Армении, так и для НКР, в частности в сферах экономической и внешней политики. Надо подчеркнуть, что отсутствие информации о критически важных решениях, касающихся безопасности Армении, в том числе и по менеджменту нагорно-карабахского конфликта, с одной стороны, способствует увеличивающейся апатии и—в определенной степени—недоверию в армянском обществе в целом. С другой стороны, есть несколько взаимосвязанных вопросов: как суверенитет, который Армения разделяет с Россией оказывает влияние на желание Нагорно-Карабахской Республики на самоопределение и независимость в результате сильной (если не полной) зависимости последней от Армении? Как остаточный суверенитет НКР способствует, или наоборот – наносит ущерб, суверенитету Армении и даже вынуждает Армению делегировать существенные части своего суверенитета России? В какой степени Россия желает играть роль щита безопасности для Армении (и включает ли он НКР?) в контексте растущих общих стратегических интересов России и Азербайджана?

Трудно сформулировать четкие ответы на все эти вопросы. Так же, нет никаких признаков какого бы то ни было возможного сотрудничества, даже в области

¹⁷ Смотри заявления представителей ЕС относительно отношений Армения-ЕС на <http://www.aysor.am/en/news/2013/11/22/traian-hristea/> и www.rferl.org/content/armenia-european-union-/25105725.html.

¹⁸ 25 октября 2013 года в Минске Армения подписала меморандум об интенсификации сотрудничества между Республикой Армения и Евразийской Экономической Комиссией, согласно которому она принимает на себя обязательство воздерживаться от любых заявлений или действий, противоречащих интересам членов Таможенного Союза. Этот меморандум оказал прямое отрицательное влияние на позицию Армении по нагорно-карабахскому конфликту. Премьер-министр Армении в ответ на вопрос, поставленный членом парламента Армении, касающийся этого меморандума и заявления президента Казахстана относительно резолюции по нагорно-карабахскому конфликту, упомянул в частности следующее: «Разумеется, некоторые из наших партнеров в Таможенном Союзе и ОДКБ, к сожалению, не считаются с ранее достигнутыми политическими договоренностями и принимают решения, которые не отвечают интересам Армении». Смотри, в частности, *The Euroasian Economic Commission and Armenia Signed a Memorandum for Deeper Cooperation*; доступно на: <http://ria.ru/world/20131106/975071901.html>. “Tigran Sargsyan expressed dissatisfaction with the position of individual members of the Collective Security Treaty Organization and the CU regarding the Karabakh conflict,” *ArmlInfo Information Agency* (13 November 2013); доступно на www.arminfo.info/index.cfm?objectid=A4F1F140-4C79-11E3-91930EB7C0D21663.

инициатив применения мягкой силы, между Арменией, НКР и Азербайджаном. Пытаясь играть роль региональной силы, Азербайджан не готов обсуждать вопрос о разделении своего суверенитета с Нагорно-Карабахской Республикой. В свою очередь, Нагорно-Карабах рассматривает свой *де-факто* статус государства как абсолютный и не подлежащий переговорам приоритет. Хотя НКР не может существовать без значительной и разнообразной поддержки со стороны Армении, возможность объединения двух армянских государств так же не обсуждается между ними.¹⁹ И Армения (в какой-то мере из-за этой сложной ситуации) не может позволить себе действовать без серьезного учета последствий для безопасности и обороны НКР.

Таким образом, в треугольнике Армения – Нагорный-Карабах – Азербайджан мы имеем дело с тремя моделями суверенности в полностью турбулентной внешней среде. Эти перекрывающиеся модели суверенности (и концепции безопасности) порождают высокую степень неоднозначности и способствуют усилению напряженности между всеми тремя актерами.

Заключение

Как было упомянуто выше, на Южном Кавказе есть государства трех типов и три сильно взаимозависимых модели суверенитета. Это разнообразие (смотри Таблицу 1 ниже) в отношении чувствительных вопросов безопасности усложняет внутреннее развитие событий в каждом государственном субъекте этого региона и их взаимодействие друг с другом (или отсутствие такового).

Азербайджан готов восстановить свою территориальную целостность силой—или «любыми средствами» (по крайней мере согласно официальной государственной позиции)—и строит планы воспользоваться восстановленным суверенитетом. Нет никаких признаков желания рассматривать разделенный с НКР или с Арменией суверенитет над Нагорно-Карабахом. В свою очередь НКР готовится к защите своего суверенитета над Нагорно-Карабахом и прилегающими territori-

¹⁹ Интересный анализ армянской геополитической культуры в плане внутренней напряженности о том как представлять Нагорно-Карабах и прилежащие территории, представлен авторами Lawrence Broers и Gerard Toal в “Cartographic Exhibitionism? Visualizing the Territory of Armenia and Karabakh,” *Problems of Post-Communism* (May-June 2013): 16–35.

ями²⁰ не только от Азербайджана, но и от Армении, отвергая вариант объединения с ней.²¹

Таблица 1: Государственные образования и суверенитет на Южном Кавказе.

<i>Государственное образование</i>	<i>Статус</i>	<i>Уровень суверенитета</i>	<i>Внешняя зависимость</i>	<i>Нарушение суверенитета</i>
Армения	Международно признанное	Разделенный	Россия	Над принятием самостоятельных решений
Азербайджан	Международно признанное	Самодостаточный (но на ограниченной территории)	Нет	Над территорией (Арменией и НКР)
НКР	Не признанное международно	Остаточный / Разделенный	Армения	Над принятием самостоятельных решений (Арменией)
Грузия	Международно признанное	Разделенный	ЕС	Над территорией (Абхазией и Южной Осетией напрямую), и Россией косвенно
Абхазия	Частично международно признанное	Остаточный / Разделенный	Россия	Над принятием самостоятельных решений (Россией)
Южная Осетия	Частично международно признанное	Делегированный	Россия	<i>Де-факто</i> нет суверенитета

²⁰ Азербайджан рассматривает эти территории как свои собственные. НКР при поддержке Армении рассматривает их как предмет переговоров об окончательном статусе НКР. Согласно статье 142 конституции НКР, «До восстановления территориальной целостности государства Нагорно-Карабахская Республика и уточнения его границ, его публичная власть упражняется над территорией под фактической юрисдикцией Республики Нагорно-Карабах». Смотри *Конституция Нагорно-Карабахской Республики*, доступно на www.nkr.am/ru/constitution/9/.

²¹ На начальном этапе конфликта карабахские армяне требовали объединения с Армянской ССР.

В какой-то мере Армения, расплачиваясь за поддержку в отношении НКР (в некоторой степени вынужденно), разделяет свой суверенитет с Россией и рассматривает Россию в качестве гаранта суверенитета и независимости Армении. Таким образом, по вопросу о суверенитете существуют прямые взаимозависимости между Азербайджаном, Нагорно-Карабахской Республикой и Арменией. В этом треугольнике есть несколько важных проблем, которые надо учитывать:

- «Тающий» суверенитет Армении, который во все большей степени делится с Россией;
- Сильный, хотя и частичный (за исключением территории Нагорно-Карабаха и семи районов вокруг него) суверенитет Азербайджана;
- Остаточный суверенитет НКР (основная часть ее суверенитета разделена с Арменией; суверенитет над международными отношениями/ переговорами делегирован Армении).

Перспективы на какой-либо разделенный между Арменией и Азербайджаном суверенитет над Нагорно-Карабахом остаются невозможными из-за различающихся политических, экономических, демографических и военных особенностей этих двух международно признанных государств и из-за их абсолютно разных взглядов и оценок ситуации в области международного конфликта вокруг Нагорно-Карабаха. Критически важное значение имеет то, что НКР (поддерживаемая Арменией) полностью отвергает любой вариант, который предполагает обсуждение ее суверенитета с азербайджанской стороны; с другой стороны, она не желает делегировать этот суверенитет Армении. Есть беспочвенные спекуляции— по крайней мере на данный момент—относительно признания НКР Россией и возможного развития событий в зоне конфликта после вступления Армении в Таможенный Союз. Оба варианта полностью зависят от взглядов России на ее роль на Южном Кавказе и от того, станут ли Таможенный Союз и будущий Евразийский Союз «очередным успехом» для путинской России. Поэтому при нынешних обстоятельствах многоуровневый конфликт между этими государственными образованиями будет обостряться. Сотрудничество и дискуссия по вопросам разделенного между Арменией и Азербайджаном суверенитета над Нагорно-Карабахом или между Азербайджаном и Нагорно-Карабахом исключены.

Что касается развития событий в Грузии и ее отношений с Россией, Абхазией и Южной Осетией, надо отметить несколько моментов. Во-первых, у Грузии появятся много возможностей, если она подпишет Соглашение об ассоциации, в том числе и Комплексное соглашение об углубленной свободной торговле (КСУСТ) с ЕС.

Во-вторых, новоизбранный президент, а также новоназначенный премьер и его команда попытаются избежать какого бы то ни было напряжения в отношениях с Россией, хотя ясно, что Россия уже не является непосредственной угрозой для безопасности Грузии и сценарий, подобный событиям 2008 года, никогда уже не осуществится вновь. Конечно, улучшение отношений России и Грузии имело место в определенной степени. Однако, есть безысходная ситуация в дискуссиях о сувере-

нитете Грузии и Абхазии над одной и той же территорией: Россия считает себя защитником абхазского суверенитета и поэтому противопоставляет себя намерению Грузии восстановить свой суверенитет над Абхазией. Что касается Южной Осетии, надо отметить, что ситуация обостряется из-за очевидного намерения России действительно отделить Южную Осетию от Грузии и аннексировать ее.²²

Конечно, движение в сторону Европы является сильным приоритетом для Грузии и ее политический истеблишмент, похоже, готов разделить суверенитет с ЕС и делегировать ему в определенной степени контроль над своей обороной и вопросами безопасности. Однако, очевидно, что ЕС в нынешнем его виде не может помочь Грузии восстановить суверенитет над Абхазией и Южной Осетией. Существует очень небольшая вероятность того, что европейская перспектива раскроет перед этим государством Южного Кавказа больше возможностей для сотрудничества между Грузией и Абхазией, и в итоге, приблизит эти два государственных образования друг к другу, возможно даже до такой степени, что вопрос исключительной важности для обеих сторон—суверенитет—отойдет на второй план.

Более взаимоприемлемая модель могла бы включать общий суверенитет. Наименование государства предположительно можно было бы поменять на Республику Грузии и Абхазии. Такое государство могло бы существовать как конфедерация двух юридически равнопоставленных государственных субъектов. Однако при нынешних обстоятельствах такая модель неосуществима.

В заключение можно сказать, что суверенитет как таковой является критически важным для государственных образований на Южном Кавказе. Вопрос о суверенитете можно считать одним из ключевых факторов, которые способствуют пониманию того, как функционирует управление безопасностью и стабильностью на Южном Кавказе. Готовность государственных образований разделить его или делегировать его другим региональным или нерегинальным акторам напрямую зависит от ситуации в сфере безопасности и от масштаба угрозы со стороны их соседей. В этих обстоятельствах широкое региональное сотрудничество останется на низком уровне и вряд ли перейдет границы двусторонних соглашений о сотрудничестве с разными региональными силами. Другими словами, не желающие участвовать соседи будут по взаимному согласию исключены из него.

²² Paata Zakareishvili: Why Russia Builds a 'Berlin Wall' around South Ossetia; доступно на http://slon.ru/russia/rossiya_stroit_berlinskuyu_stenu_vokrug_yuzhnoy_osetii-975777.xhtml.

Литература

"Russian Ambassador Assassinated in Abkhazia." The Washington Post (2013).

"Should there be a united Ossetia?" The Caucasus Echo (2014).

2013 Freedom in the World. Washington, D.C.: Freedom House Report, 2013.

Abkhazia: Russia's Attempts to Create a Nation-state. Russia & India Report, 2013.

Broers, Lawrence, and Gerard Toal. "Cartographic Exhibitionism? Visualizing the Territory of Armenia and Karabakh." Problems of Post-Communism (2013): 16-35.

Burnell, Peter. "New Challenges to Democratization." In New Challenges to Democratization, 17. New York: Routledge, 2010.

Dahbour, Omar. Self-Determination without Nationalism: A Theory of Postnational Sovereignty. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2013.

Russian Direct Investments Make up 39.5% of Foreign Direct Investments into Armenia's Economy. ARKA News Agency, 2013.

Saakashvili Outlines Tbilisi's Abkhaz Initiatives. Civil Georgia, 2008.

Tibilov, Leonid. For every Ossetian, the issue of unification of the people is a priority. the President of the South Ossetia, 2013.

Tibilov: My mission will be accomplished if South Ossetia unites with Russia. Information Agency Regnum, 2014.

Tigran Sargsyan expressed dissatisfaction with the position of individual members of the Collective Security Treaty Organization and the CU regarding the Karabakh conflict. ArmInfo Information Agency, 2013.

Whitehead, Lawrence. "State Sovereignty and Democracy." In New Challenges to Democratization, 24. New York: Routledge, 2010.

Zakareishvili, Paata. Why Russia Builds a 'Berlin Wall' around South Ossetia., 2013.